

Б.Н. Миронов «Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века». М.: Новый Хронограф, 2010. 911 с.

Книга известного российского социального и экономического историка Б.Н. Миронова представляет собой феноменальное по масштабам и охвату материала исследование, посвященное исторической антропометрии России за 1700–1917 гг. Автор вводит в научный оборот огромный массив архивных материалов (306 тыс. индивидуальных и около 10 млн суммарных данных о длине тела, весе и других антропометрических показателях мужского и женского населения разных областей страны), чтобы на основе биологических параметров выяснить, как изменялся уровень жизни населения за 217 лет. Проведенный анализ продемонстрировал, что социально-экономическое развитие России характеризовалось теми же основными закономерностями, как и развитие любого другого европейского государства, что страна была глубоко интегрирована в Европу. В этом смысле новый труд Б.Н. Миронова является логическим продолжением его предыдущей книги «Социальная история России» (СПб., 2003) и подтверждает ее основной вывод о том, что Россия есть «нормальная европейская страна», путь которой в общих чертах совпадает с основным направлением развития других европейских государств. Однако сделано это с привлечением совершенно новых материалов, методов и подходов.

Книга состоит из Введения, 12 глав, заключения, статистического приложения, списка литературы, включающего более 1000 названий отечественных и зарубежных авторов, именного и предметного указателей. Исследование является истинно междисциплинарным, поскольку использует информацию и методы самых разных наук: истории, антропологии, биологии, демографии, экономики, математической статистики. Огромный объем книги не позволяет подробно остановиться на всех, несомненно, заслуживающих внимания ее аспектах, поэтому я позволю себе прокомментировать те из них, которые представляют интерес в первую очередь для аукологов.

В 1-й главе подробно анализируются работы отечественных и зарубежных исследователей, рассматривавших проблему благосостояния населения в Российской империи. Глава одинаково

интересна как историкам, так и неисторикам, так как дает полное представление о том, что сделано к настоящему моменту в области изучения уровня жизни населения России.

2-я глава посвящена исторической антропометрии. Она очень важна для понимания всего дальнейшего анализа, так как вводит читателя в тот круг вопросов, который, собственно и составляет предмет данной книги. В исторической антропометрии широко используются биологические параметры населения для оценки его уровня жизни на фоне соответствующих социальных, политических и экономических изменений в жизни тех или иных стран. Чтобы показать, что биологические показатели тесно связаны с социально-экономическими условиями жизни, автор приводит обширный блок сведений из области биологии, антропологии и генетики о влиянии генетических и средовых факторов на процессы роста и развития человека, проявляя при этом отменное знание соответствующей литературы и прекрасное владение информацией. Нужно сказать, что на Западе число книг, посвященных этой тематике, очень велико, регулярно проводятся конференции, издаются журналы, у нас же пока подобные работы единичны, и в этом смысле рецензируемая рукопись восполняет огромный пробел в информационном вакууме.

Очень важен третий параграф 2-й главы, посвященный методологии исторической антропометрии. В ней рассматриваются главные методические проблемы и предлагаются методы их решения. Таких проблем три: 1) усеченность данных снизу вследствие существования ростового ценза при приеме в армию, 2) разнородность в профиле выборочных сведений в отдельные годы и периоды ввиду изменений в социальном, возрастном, семейном, этническом и т.п. составе новобранцев, 3) округление и аккумуляция данных при измерении роста и оценке возраста. Первую проблему автор решает с помощью метода максимального правдоподобия, вторую – стандартизацией состава выборок с помощью многофакторного регрессионного анализа, третью – внесением специальных поправок в методику анализа ростовых и возрастных данных. Именно такими способами решаются эти методические проблемы в новейшей западной литературе. Это свидетельствует о том, что автор работает на уровне последних достижений мировой науки. Следует отметить, что на русском языке современная методика работы с цензурированными выборочны-

ми антропометрическими данными описывается впервые, поэтому этот раздел представит особый интерес для читателя, который захочет работать с аналогичными ростовыми данными.

Большой интерес представляет 3-я глава, в которой оценивается состояние современной мировой и российской исторической антропометрии. Кратко обозревая историю изучения физического роста, автор справедливо отмечает, что новое направление в науке, синтезирующее методологию и выводы истории, экономики, биологии человека, медицины, антропологии и демографии, родилось в 1969 г. Отечественная историография в данной области насчитывает более тысячи наименований книг и статей. Уже в 1870–1880-е гг. российские врачи хорошо сознавали наличие сильной зависимости между длиной тела (ростом) и уровнем жизни и провели десятки исследований, показывающих, как благосостояние влияло на физические параметры детей и взрослых. Во второй половине XIX – начале XX в. российская антропометрическая наука шла в ногу с мировой и только с 1930-х гг. стала отставать. Существование этой прочной и глубокой традиции, надо думать, помогло Б.Н. Миронову в его работе над монографией.

В 4-й главе автор подробнейшим образом описывает созданную им базу антропометрических данных. Источники антропометрических сведений, их полнота, точность и репрезентативность – вот главные вопросы, обсуждаемые в главе. Собранная информация оценивается под углом зрения состава измеренных лиц (по возрасту, социальному статусу, году и месту рождения, образованию, этнической принадлежности, конфессии, семейному состоянию и профессии) и с точки зрения репрезентативности, точности сведений о росте и возрасте. В специальном параграфе рассматривается информационный массив антропометрических данных о женской части населения. Источниками антропометрических сведений в России, как и везде в мире, являются медицинские обследования мужчин при наборе в армию и антропометрические измерения населения, выполненные антропологами и врачами в научных целях. Измерения новобранцев врачами-экспертами, а также крестьян и рабочих санитарными земскими врачами в последней трети XIX в. и дали автору искомый материал. В главе показано, что сведения о росте и возрасте новобранцев тщательно, иногда несколько раз проверялись, сначала призывной комиссией в месте призыва, потом при поступлении на место службы, прямо в полку, куда прибывал новобранец. И если при призыве допускалось искажения, то повторная

проверка их обнаруживала, и виновные наказывались. Самое существенное, что у призывной комиссии не было заинтересованности в искажении сведений, и когда оно случалось, то не по злому умыслу, а по небрежности. Это практически исключало намеренную фальсификацию, что наблюдалось, как указывает автор, при сборе сведений об урожае, посевах, численности скота, отходничестве и других факторов экономической деятельности, имевших влияние на доходы, так как информаторы намеренно занижали их уровень из-за опасения повышения налогов и повинностей. Антропометрические и демографические сведения не были идеальными – в России, как и везде в мире, данные о росте и возрасте округлялись. Однако эти недостатки существенно не влияли на результаты и, кроме того, их можно оценить и учесть.

В 5-й и 6-й главах на основе математико-статистического анализа Б.Н. Миронов показал, что рост человека в XVIII – начале XX в., как, впрочем, и теперь, зависел от возраста, социального статуса, семейного положения, профессии, грамотности, конфессии, этноса и места жительства – то же самое обнаруживается и во всех других популяциях мира. Поскольку, как выяснено автором, мужчины в XVIII – начале XX в. могли расти примерно до 27 лет, то, естественно, 18-летние, как правило, были ниже 20-летних, а 25-летние выше 20-летних. Социальный статус влиял на рост потому, что благодаря лучшим условиям жизни выходцы из более привилегированных слоев были выше, чем из менее привилегированных, например, мещане были выше помещичьих крестьян, дворяне – выше мещан и т.д. Семейное положение – женатые были на 2–3 мм выше холостых, сказывалось потому, указывает автор, что рост человека, особенно в деревне, рассматривался как показатель физической зрелости: вырос – пора женить. Кроме того, более высокие мужчины пользовались большим спросом на брачном рынке. Влияние профессии объяснялось тем, что от профессии зависел доход, а последний влиял на рост. Однако в сословном обществе между профессией и сословием существовала настолько тесная связь, что в период империи при наличии сведений о сословной принадлежности, справедливо считает автор, профессию можно не учитывать. Связь между грамотностью и ростом обуславливалась тем, что от грамотности зависела профессия и, следовательно, доход и условия жизни. Грамотность существенно зависела и от социального положения: дворяне и духовенство обязаны были учиться и потому были, как правило, грамотными. Казалось бы, при наличии све-

дений о социальном положении грамотность можно было бы не учитывать. Однако автор резонно возражает: среди новобранцев преобладали именно крестьяне, представителей привилегированных сословий было очень мало, поэтому влияние грамотности не перекрывалось сословной принадлежностью. В среднем грамотный крестьянин был на 1–1.5 см выше неграмотного (при равенстве других признаков – возраста, семейного положения и этноса). Б.Н. Миронов показал также, что размеры тела определяются не только уровнем жизни, но и этнической принадлежностью: нельзя на основе того, что русские, как правило, превосходили башкир по длине тела делать вывод, что уровень жизни у башкир был ниже, чем у русских. Однако в случае близких этнических групп, например, русских и украинцев разницу в среднем росте между ними можно интерпретировать в пользу лучших условий жизни у последних. Наконец, автор продемонстрировал, что место жительства – город и деревня, также влияли на рост, поскольку в городе условия жизни были несколько выше, чем в деревне.

В этих же главах анализируется динамика антропометрических показателей населения соответственно в XVIII в. и XIX – начале XX в. по пятилетиям, а также социально-экономические, политические и экологические факторы, ее определявшие: налоги и повинности, сельскохозяйственное производство, войны и реформы, изменения климата, социально-экономическая политика верховной власти, смещению центра населенности на Юг. Кроме данных по длине тела, привлечены достаточно редкие в антропометрической литературе сведения о весе, обхвате груди, а также о длине тела женщин, к сожалению, только для XIX в., поскольку за более раннее время подобных данных не обнаружено. Это центральные главы монографии. Оценку этих глав с исторической и социально-экономической точек зрения, надеюсь, более компетентно сделают историки. Я лишь хочу отметить, что в методическом отношении анализ антропометрических данных выполнен абсолютно корректно. Существование негативного секулярного тренда в динамике биологического статуса населения и уровня жизни в 1701–1795 гг. и *позитивного* секулярного тренда в изменении биологического статуса и уровня жизни в 1796–1915 гг. можно считать доказанным, и это является огромной заслугой автора.

В 7-й главе содержится подробный анализ географической изменчивости длины тела в XVIII – начале XX в. с точки зрения согласованности в динамике среднего роста мужского населения по регионам и степени его различий между региона-

ми. Главный вывод данной главы состоит в том, что изменения биологического статуса в регионах проходили согласованно, подчиняясь общим тенденциям. Интересно отметить, что география роста, зафиксированная автором для XVIII–XIX вв., в основных чертах наблюдается и в настоящее время, как это было показано в работах отечественных антропологов (см., напр., *Дерябин В. Е., Пурунджан А. Л.* Географические особенности строения тела населения СССР. М., 1990; *Пурунджан А. Л.* Географическая изменчивость антропометрических признаков на территории СССР // *Куршакова Ю. С.* и др. Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978. С. 108–116).

В 8-й главе выявленные ранее общие закономерности подтверждаются на конкретном примере Саратовской губернии за 1760–1915 гг. Б.Н. Миронов убедительно демонстрирует, что историко-антропометрическое исследование можно проводить не только в масштабах страны или регионов, но и отдельных губерний, если для этого имеется достаточно антропометрических данных.

В 9-й главе анализируется питание, здоровье и биологический статус российского населения в XVIII – начале XX в. Как указывает автор, он впервые в историографии статистически рассчитывает для XIX в. потребление отдельных продуктов, оценивает состав и калорийность питания сельского и городского населения и его энергетическую ценность, сравнивает полученную от питания энергию с ее потребностями для производства физической работы разной интенсивности. В результате анализа Б.Н. Миронов приходит к выводу, что в дореформенное время питание населения было удовлетворительным, хотя заметно ухудшалось в годы неурожая. Сразу после отмены крепостного права питание крестьянства ухудшилось, но постепенно ситуация изменилась к лучшему. В 1870-х гг. произошел перелом, полагает автор, и в дальнейшем, до 1914 г., питание крестьянства устойчиво улучшалось и в количественном и качественном отношении. Что касается горожан, то их питание на протяжении изученного периода было удовлетворительным. С точки зрения калорийности, питание крестьянства превосходило питание горожан, но уступало ему по качеству. В потреблении городского населения было больше продуктов животного происхождения; горожане также больше потребляли алкоголя. Меньшая калорийность питания горожан была обусловлена меньшей потребностью в энергии в силу иного характера городского труда и образа жизни. Б.Н. Миронов приводит также значения индекса массы тела, которые колеблются по де-

сятилетиям в интервале от 21.4 до 23.2, и показывает, что они свидетельствуют об удовлетворительном уровне питания населения.

В 10-й главе рассмотрена динамика цен и зарплаты в России. Б.Н. Миронов построил индекс потребительских цен, номинальной и реальной зарплаты самой популярной профессии – плотника для С.-Петербурга за двести лет, 1703–1913 гг., как указывает автор, впервые в историографии. Затем, привлекая разрозненные сведения о зарплате в других местностях России, распространил полученные выводы по столице на всю Россию.

Подчеркнем, что глава о ценах и зарплате, как и глава о питании, имеет прямое отношение к благосостоянию, но в контексте книги она служит до некоторой степени тестом достоверности вывода об изменении уровня жизни по антропометрическим данным. Результаты проверки благоприятные – тенденции в изменении реальной зарплаты и биологического статуса всего населения в основном совпадали. Это серьезно усиливает аргументацию Б.Н. Миронова.

11-я глава содержит обзор того, что думали современники о благосостоянии населения с конца XVIII по начало XX в. Интересно узнать, например, что жалобы на жизнь раздавались постоянно, независимо от того, повышался или понижался жизненный уровень.

Заключительная 12-я глава подводит итоги проведенного анализа по изучению динамики биологического статуса российского населения за 217 лет и содержит их экономическую, социальную и политическую интерпретацию. Оценка исторических интерпретаций скорее входит в компетенцию историков. Но следует признать, что Б.Н. Миронов привел убедительные доказательства в пользу того, что, как уже отмечалось, вековая тенденция в динамике биологического статуса и общего уровня жизни населения России в XVIII в. была негативной, а в конце XVIII – начале XX в. – позитивной. База данных, на которую опираются эти выводы, столь велика, что вряд ли они будут пересмотрены, хотя границы начала и конца секулярных трендов, возможно, будут дальнейшими исследованиями уточнены. Вполне вероятно, что и в объяснение причин изменения вековых тенденций и циклических колебаний в уровне жизни со временем будут внесены поправки – такова судьба всех научных работ. Однако в настоящий момент интерпретация полученных результатов, предложенная Б.Н. Мироновым, представляется убедительной, интересной и заслуживающей внимания научного сообщества. Она вносит существенный вклад в дискуссию о развитии России в XVIII – начале XX в.

На мой взгляд, крайне важно разделять проблему *уровня* жизни и проблему *динамики* уровня жизни. Б.Н. Миронов пока не опроверг общепринятое мнение, что русские в XVIII – начале XX в. жили беднее других европейцев, но он оспорил стереотип, что русские не способны свою жизнь улучшать. Увеличение с конца XVIII в. по начало XX в. роста на 6.7 см и веса почти на 5 кг несомненно свидетельствует о том, что русским, как и всем европейцам, под силу повышать свой уровень жизни. Не случайно, что сравнительный анализ динамики длины тела в 12 странах, проведенный автором, показывает, что в России и Европе изменения среднего роста населения происходили большей частью согласованно.

Грандиозность сделанного автором труда потрясает. Во вступлении к книге он пишет: «306 тыс. индивидуальных наблюдений о росте человека – это 306 тыс. строк в программе Excel. Если их напечатать, то получится более 7000 страниц текста (по 45 строк на странице). Только ввод этой информации в компьютер потребовал около 612 тыс. минут (по 2 минуты на запись одной строки), следовательно, 1250 рабочих дней по 8 часов или 3.5 года работы. Всякий историк, работавший в архиве, понимает, что значит сделать выписки в архивах, которые требуют 1250 рабочих дней» (с. 16–17). Поражает не только необъятность использованного материала, который все же удалось «объять» автору, но и тщательность его разработки, безупречная корректность проведенного анализа и достоверность полученных автором выводов. Несмотря на огромный объем книги, каждая из ее глав содержит массу оригинальной информации и потому неповторима. Это настоящая «энциклопедия русской жизни». Книга содержит блестяще организованный справочный материал: помимо примечаний к каждой главе, огромный библиографический список, словарь специальных терминов, именной и предметный указатели. Уникальное исследование Б.Н. Миронова, несомненно, послужит богатейшим источником сведений для специалистов самого разного профиля – биологов, антропологов, ауксологов, медиков, экономистов, историков и др. Оно будет с интересом встречено и широким читателем, который, я уверена, найдет в нем пищу для размышления не только о показателях качества жизни, но и о путях развития России.

Е. Година